

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАТЕРИ ЗА УБИЙСТВО НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Активное взаимодействие и сотрудничество Республики Беларусь со многими странами мирового сообщества в экономической и политической сферах, а также в сфере спорта, туризма, культуры образования предполагает сближение или интеграцию правовых систем. Взаиморецепция законодательства Беларуси и Российской Федерации, в том числе и уголовного, является закономерным и объективным процессом. Особенно важно сближение законодательства, гарантирующего охрану жизни и здоровья личности, в том числе охрану жизни и здоровья детей.

Ответственность за посягательство на жизнь и здоровье детей в Уголовном кодексе Республики Беларусь и УК России регулируется вместе с общими нормами еще и специальными, т. е. специально выделенными (ст. 140 и 106 соответственно). В ст. 140 УК Беларуси и ст. 106 УК России предусматривается ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Если наименование названных статей в УК Беларуси и УК России идентичны, то содержание диспозиций существенно различается, также имеются и некоторые различия в санкциях. Так, в диспозиции ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. В ст. 106 УК России ответственность наступает за убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Сравнительный анализ приведенных диспозиций аналогичных статей Уголовного кодекса Беларуси и России свидетельствует о существенном их различии. Во-первых, в диспозиции ст. 140 УК Беларуси указывается принадлежность ребенка – «своего». Такое указание в диспозиции ст. 106 УК России отсутствует. Представляется, что указание на именно «своего» ребенка создает гарантии для генетических родителей при применении вспомогательных репродуктивных технологий, так как убийство роженицей рожденного ею при применении вспомогательных репродуктивных технологий ребенка будет квалифицироваться как убийство чужого ребенка и повлечет более строгое наказание.

Во-вторых, убийство матерью новорожденного ребенка по Уголовному кодексу Республики Беларусь, как смягчающее ответственность обстоятельство, ограничивается не только временным фактором – «во время родов или непосредственно после них», но и наличием фактора «психотравмирующей ситуации, вызванной родами». В УК России ответственность за такое убийство ограничивается только аналогичным временным фактором, что существенно расширяет круг вероятных субъектов ответственности за рассматриваемое преступление, а также свидетельствует о более высоком уровне защиты жизни новорожденных детей.

В-третьих, в диспозиции ст. 106 УК России предусмотрено альтернативно второе обстоятельство применения данной нормы – «а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». В данном случае применение ст. 106 УК РФ не имеет такого ограничивающего временного фактора как «непосредственно после родов» или «сразу после родов». В данном случае ограничивающим временным фактором является указание в диспозиции нормы на «новорожденный ребенок». Согласно медицинским правилам ребенок считается новорожденным при достижении 4 недель или одного месяца после родов, что практически еще больше расширяет круг субъектов преступления, к которым может быть применена ст. 106 УК России.

Таким образом, сравнительный анализ содержания диспозиций ст. 140 УК Беларуси и ст. 106 УК России свидетельствует о более высоком уровне защиты жизни плода на предродовой стадии и новорожденных детей в Республике Беларусь.

Сравнительный анализ санкций ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 106 УК России показывает, что максимальный размер санкций названных норм идентичный. Однако санкция в УК РФ санкция относительно определенная – лишение свободы до 5 лет, в Уголовного кодекса Республики Беларусь санкция альтернативная – ограничение свободы на срок до 5 лет или лишение свободы на тот же срок. Представляется, что предусмотренность альтернативной санкции в арсенале наказаний, могущих быть примененными за данное преступление в Беларуси, в большей мере способствует индивидуализации назначения наказаний.

Следовательно, произведенный сравнительный анализ норм УК Беларуси и УК России показывает, что, хотя законодательство Республики Беларусь предусматривает более ограниченный круг субъектов, могущих нести уголовную ответственность за посягательство на жизнь плода накануне родов или на жизнь ребенка сразу после родов, однако некоторые положения УК России могут быть восприняты законодателем Беларуси. В частности, законодателем Беларуси может быть рецептировано положение диспозиции ст. 106 УК России о совершении убийства матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающем вменяемости.

ОБ ОБЪЕКТАХ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в УК РФ была введена ст. 159¹ «Мошенничество в сфере кредитования», что вызвало в научной литературе негативную оценку введения в уголовный закон указанного специального состава мошенничества. Чаще всего сомнению подвергается сама идея конструирования специальных составов мошенничества как проявление использования казуистичного метода законодательной техники. При этом неоправданно недостаточно внимания уделяется проблеме защищенности нуждающихся в уголовно-правовой охране объектов, а точнее способности новой нормы обеспечивать защиту благ, связанных с отношениями собственности, выступающими основным объектом указанного преступления. Между тем для оценки

профилактического потенциала ст. 159¹ УК РФ немаловажно определить не только основной, но и попутно нарушаемые объекты. Таковыми, думается, могут выступать не только кредитные отношения, а в рамках последних – не только обеспечивающие интересы кредиторов. Ведь кредитные организации являются как собственниками денежных средств, так и экономическими институтами перераспределения капитала в форме кредита. Следовательно, опосредованно мошенничество в сфере кредитования может причинять вред и клиентам банка – физическим и юридическим лицам, которые рискуют не получить удовлетворения своих требований, например, по вкладам в связи с недостаточным объемом резервных фондов банка или оборотных средств.

Кроме того, каждый факт получения кредита фиксируется в кредитной истории физического лица либо организации. При наличии задолженности заемщик ограничен в размере кредитной суммы, сроках ее погашения, а иногда ему вообще может быть отказано в получении кредита, если кредитная история содержит информацию о многочисленных или (и) просроченных задолженностях. Соответственно, в случае получения кредита на чужое имя добросовестному гражданину может быть причинен и моральный, и материальный ущерб. В одном из отделов полиции УМВД России по г. Волгограду находился материал проверки по заявлению М., на имя которого посредством кредитного sms-сервиса некое лицо получило кредит, а затем уклонилось от уплаты долга. В связи с образовавшейся задолженностью и внесением негативной характеристики в систему данных Национального бюро кредитных историй М. было отказано в предоставлении кредита. Интересно, что причиной отказа являлась просроченная задолженность за получение кредита в размере всего лишь пяти тысяч рублей при том, что как человек, занимающийся покупкой и продажей недвижимости, М. неоднократно брал многомиллионные кредиты и каждый раз добросовестно возвращал их в срок с необходимыми по договору процентами.

Однако судя по диспозиции и санкции ст. 159¹ УК РФ данная статья на защиту этих отношений не рассчитана. Она, по нашему мнению, не способна обеспечить защиту кредитной сферы в условиях модернизации банковского сектора и появления все новых мошеннических схем, что обусловлено в том числе несоответствием названия нормы ее содержанию.

При конструировании диспозиции ч. 1 ст. 159¹ УК РФ законодатель руководствовался юридическим (узким) пониманием кредита как самостоятельного гражданско-правового договора, т. е. сфокусировал свое внимание на форме кредитных отношений, а при именовании нормы, скорее всего, использовал содержательный аспект (широкий, экономический) предполагаемого объекта уголовно-правовой охраны, что повлекло несоответствие в объеме названия и диспозиции нормы о мошенничестве в сфере кредитования, а следовательно, и неполный учет подлежащих охране объектов. Объем понятия «кредитование» как экономического термина постоянно изменяется, так как экономика склонна развиваться гораздо более быстрыми темпами, чем право. Например, в настоящий момент на многих виртуальных площадках в сети Интернет функционируют сервисы P2P-кредитования и e-кредитования, т. е. кредитования интернет-пользователями друг друга и кредитования посредством электронных денег соответственно. Определенные кредитные договоры, содержащиеся в ст. 819 ГК РФ, а также диспозиция ст. 159¹ УК РФ препятствуют причислению указанных альтернативных сервисов кредитования к разновидностям кредитного договора, соответственно, и мошеннические действия при таком кредитовании не охватываются положениями ст. 159¹ УК РФ, хотя, с точки зрения экономической науки, они входят в объем понятия «мошенничество в сфере кредитования».

Исходя из лексического и этимологического значений рассматриваемого понятия кредитные отношения определяет лицо, передающее другой стороне ресурсы, что не было учтено современным законодателем. Статья 159¹ не охватывает случаи наиболее опасных проявлений мошенничества: хищений, совершаемых сотрудниками или руководителями кредитных организаций, а следовательно, не способна обеспечить охрану порядка предоставления кредита.

Статья 159¹ также не может быть применена к случаям, когда лицо под влиянием обмана заключает договор с кредитной организацией через недобросовестных торговых агентов. В частности, на проверку в органы прокуратуры Волгоградской области неоднократно поступали заявления от потребителей, которых приглашали в салоны сети, занимающейся распространением косметических услуг и товаров, а затем под видом договоров купли-продажи оформляли кредитные договоры на покупку наборов косметики и иной продукции на довольно крупные суммы. После обращений потерпевших в полицию салоны красоты соглашались на расторжение договоров, а дела в отношении них прекращались в связи с отсутствием состава преступления. С учетом значения словосочетания «в сфере кредитования» посреднические отношения должны защищаться ст. 159¹ УК РФ, но в связи с содержанием диспозиции последней это не происходит.

Таким образом, законодатель предусмотрел в УК РФ дополнительный рычаг уголовно-правовой охраны только для одного из проявлений кредитования, но оставил за пределами действия специальной нормы иные формы существования кредитных отношений, а также иные виды экономических кредитных взаимосвязей. В этой связи заслуживающей одобрения представляется устойчивая позиция законодателя Республики Беларусь, регламентирующего признаки мошенничества в одной (общей) норме – ст. 209 УК. Белорусский законодатель не стремится конструировать специальные составы мошенничества, справедливо отдавая предпочтение традиции изложения признаков последнего в абстрактной норме, пригодной для применения к различным мошенническим схемам, охраны разнообразных сфер жизни общества. Предполагается, что российский законодатель обратит внимание на преимущества такого подхода и вернется к традициям законодательной техники, кропотливо и веками разрабатываемым.

УДК 343.4

В.А. Новиков

НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, закреплено в ст. 37 Конституции РФ и ст. 41 Конституции Республики Беларусь, а также ряде международных правовых актов по правам человека. В частности, в ст. 23 Всеобщей декларации прав человека сказано о том, что каждый человек имеет право на справедливые и благоприятные условия труда. Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. обязывает государства, участвующие в данном Пакте, обеспечить всем работающим такие условия труда, которые отвечают требованиям безопасности и гигиены.